

Творческий портрет писателя Юрия Бондарева

ЮРИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ Бондареву исполняется сегодня пятьдесят лет. И как итог созданного им к юбилейным дням в издательстве «Молодая гвардия» выходит четырехтомное собрание сочинений писателя. Собрание вполне весомое — романы, повести, рассказы, публицистика. Вероятно, нет нужды перечислять подробно, читатель, внимательный к прозе Бондарева, знает все сам...

Книги его ныне пользуются особой популярностью и в центре общего внимания — читательского, писательского, общественного. Слово неожиданно для всех нас открылось перед нами насыщенная потребность в его героях... И само это обстоятельство побуждает к размышлению.

сюжетно. Он строит действие по триаде — ожидание боя, бой и исход. Вот три неминуемых, неотвратимых проявления всякой войны. Она вершины побед и величайших трагедий. И Бондарев настолько мастерски обнажает и сжимает грань между жизнью и смертью, что действие высвобождается стремительно, почти взрывно, как вырвавшаяся пружина. И так происходит во всех трех описанных им боях — и на Днепре, и на польско-чехословацкой границе, и под Сталинградом. Три раза Бондарев, не изменяя себе, начинает с томительного, тягостного, напряженного ожидания. «Шумом, движением, людскими голосами была наполнена лесная темнота, — так начинает он свою лучшую повесть «Баталь-

беля, утрате всех человеческих достоинств.

Оттого и исход боя у Бондарева, как выход из испытания, всегда не менее драматичен, чем сам бой. И он умеет душой, сердцем самую тяжелую, мучительную, почти слепую от боли трагедию вернуть нам светлой стороной жизни.

Трудно найти в нашей литературе последнего времени бой, тяжелее того, что описан Бондаревым в «Горячем снеге», и смерть, безысходнее той, от ожидания которой зрочки людей готовы расколоться от напряжения, и печальнее, трагичнее исход.

«Нигде ни выстрела. Ни движения. Ни звука. Как будто вся земля умерщвлена была, до последнего живого дыхания — и, холодея на диких ветрах, ле-

НИ на шаг ОТ ЖИЗНИ

Юрий Бондарев принадлежит к поколению советских людей, которые прожили две полноценные, трудные, тяжкие жизни. Одну — военную, из которой, проведя в боях три-четыре года, они вышли еще совсем молодыми — двадцати — двадцатидвухлетними. А теперь уж можно сказать, что и прожили еще целую жизнь, мирную. Подняли из руин страну, дали ей нынешний достаток, широту духовной жизни. Вырастили детей, женили их и находят утеху теперь во внуках, постепенно забывая о прежних кровавых ранах, трудных боях. Разглядилось былое, зарубевалось, как земля после весеннего паводка под лучами мягкого майского солнца. Только иногда, может, мимолетом в мыслях иль в тревожных зимних снах является солдатское поле, через которое бежал он в атаку под огнем иль вдруг увидит он неглубокий окопчик, из которого почти в упор навывброс швырял под гусеницы фашистского танка связку гранат... Но все это лишь короткой ясной зарницей прозвонит память и опять отойдет, отступит перед мирными заботами дня...

И только совсем немногие, единицы, может быть, из миллионов тех бывших солдат с войной срослись навсегда.

Этим немногим выпала самая трудная доля из всех солдат, что остались в живых: вернуть в нашу духовную жизнь тех, кого отняла война. Вернуть их — хороших и плохих, слабых и мужественных, милосердных и беспощадных, светлых душой и добрых сердцем — всех в их человеческом обле, чтоб перед всеми поколениями, живущими и будущими, обнажить великий нравственный дух, который подвиг миллионы советских солдат на подвиг и покрыл их бессмертной славой.

И Юрий Бондарев относится к числу тех людей, кому выпала эта нелегкая доля. Он пишет о войне, пишет уже добрых лет двадцать. Начиная с известной повести «Батальоны просят огня», вышедшей в 1957 году, и кончая романом «Горячий снег» — самой свежей его книгой. Герои Бондарева — капитан Ермаков, капитан Новиков, партизаны Сапрыкин, рядовой Горбачев, санитары Шура, Зоя, Лена, лейтенант Кузнецов, полковник Гуляев, сержант Уханов, рядовой Чибисов, генерал Бессонов вошли в нашу жизнь естественно и неотделимо.

НАШ ЧИТАТЕЛЬ особо чуток к народным подвигам, воспетым в художественной литературе.

В своих произведениях о войне Бондарев настойчиво развивает сегодня одну из лучших традиций русской литературы — живописать войну как борьбу побеждающего правящего духа советского народа при жесточайших испытаниях жизни, и живописать правдиво, высокохудожественно.

И только ли язык и стиль писания, несомненно, имеющий свою собственную стилистическую очерченность, позволяют нам говорить о художественности этих произведений? Конечно, нет. Скорей всего художественность прозы Бондарева составляет глубокое проникновение в характеры людей, его умение писать остро-

оны просят огня». — «Все это шло, двигалось, ехало, копошилось, скакало во тьме туда, где за лесами тек Днепр...» И постепенно из тончайших деталей повествования вырастает общая атмосфера собранности, решительности и готовности людей в смертельной схватке с врагом выиграть еще один бой, вернуть еще одну пядь родной земли.

БОЙ у Бондарева — самый драматический момент. Ведется он, как всегда, непосредственно на огневой линии, где стоят батареи, батальоны, где очерившийся враг стоит в лицо, настолько в лицо, что можно разглядеть, как чисто выбрит он...

«Новиков, крикнув, припал к прицелу... сквозь дым четко чернея прицеленный в его зрачок пустой глаз танкового дула. «Он или я?.. — мелькнуло у него в сознании. — Он или я?.. Не может быть, чтобы он! Он или я?..» — это страшное мгновение борьбы и смерти из «Последних залпов». — «В нем будто все звенело от нервного возбуждения. В мире уже ничего не существовало, ничего не было, кроме этого танка, этого немца в нем, зорко-быстрыми движениями крутящего маховики, навешенного на Новикова орудия... «Он или я?.. Он или я?..»

Вот жесточайшая драма, изнурительнейшая, дикая, нечеловеческая работа, которую Бондарев описывает жестко, напряженно, без прикрас. И о «трудных» войнах, бескорыстных, семижильных, он пишет с большой любовью, почти нежным сочувствием и участием. И симпатии его всегда на стороне тех, кто на войне заботится не о славе, а о том, чтобы работа эта делалась лучше, чтобы врага бить с меньшими для нас потерями. И тщеславие, занаяство, высокомерие на войне нередко стоят немалых человеческих жертв. Оттого писатель не любит и не одобряет в бою всякого рода щегольства и бездумного лихачества. Его нравственная позиция всегда четко определена, он не принимает как художник и человек безнравственных полутонов, намеков, оговоров, этого не принимает и война. За безнравственность она жестоко мстит поражением.

И в этих сложных, совсем не легких связях между людьми на фронте особо чувствительным камертоном, нравственным мерилом у него всегда выступает отношение к женщине. Бондарев удивительно тонко и поэтично пишет о любви — о любви, почти всегда трагичной, но мягкой, сердечной и возвышенной. Это страницы светлые, полные нежности и чистоты чувств.

Главный нравственный мотив Бондарева: и на войне человек нераздельно живет тем, что у него есть за душой. Только вдруг обнаруженная краткость жизни, краткость, доведенная до считанных дней, часов, вызывает в человеке — в слабом — слабое, доброе — доброе, мужественное — стойкое, смелое — смелое, мягкое — мягкое, подлое — подлое, ничтожное — ничтожное. Все выплескивается наружу и уж ничем не может быть сдержано. Оттого и перепад между возвышенно-героическим и ничтожно-предательским здесь особенно велик, и промежуточного не дано. Малейшее несовладание с совестью приводит нередко к ги-

жала в неживом, как пустыня, зареве, а она алое и там те, оставшиеся у орудия за их спиной, измученные, обессиленные — всего четверо, остались в мире среди смерти и пустоты. Стало не по себе от этой стылой неподвижности мертвенной декабрьской ночи... Они опять зашагали по ходу сообщения. Опять звучали шаги, шуршала одежда — это были все-таки признаки жизни».

Других признаков на километры вокруг не осталось, поглотила смерть. И все в этой страшной трагедии достоверно, все до мельчайших деталей и до великой истины, ради которой погибли тысячи людей на этом поле, — фашисты не прорвались к Сталинграду, не пришли они на помощь окруженной армии Паулюса.

ДОСТОВЕРНОСТЬ — вообще важнейшее свойство нашей литературы, особенно когда это касается событий исторических, событий великих в жизни народа. Достоверность Бондарева обретаема непосредственно в бою, в печале жизни и смерти. Конечно, далеко не каждому из писателей дано окинуть художественным оком великое сражение. Но, может быть, оттого и не торопился Бондарев с «Горячим снегом», сознавая всю ответственность написания Сталинградской народной битвы. Может, потому он и отодвигал по времени этот бой, написав сначала днепропетровский и польский, а уж потом, как бы всяпять от капитана Новикова, умудренного опытом войны, он вернулся к лейтенанту Кузнецову (столь схожему с повзрослевшим капитаном), к его первому и самому трудному бою. Вернулся через четверть века, когда чувства еще не остыли, а разум способен был в полной достоверности обнажить перед нами героизм бойцов Сталинградской битвы.

Бондарев владеет достоверностью естественной, пронзительной и волнующей. Она близка нам собственными нашими утратами, столь же схожими и трагичными, как и у его героев, у него самого, но и оттого еще, что художественно он эшелся за самое трудное: раскрыть во всех связях, отношениях и опосредствованиях бой накоротке, в непосредственных человеческих столкновениях, бой, который всегда ведет простой народ, где решается его судьба, а с ним и судьба Отечества нашего.

И Бондарев вроде бы всякий раз описывает по характеру своему бой однотипный — артиллерийских батарей с танками. И все же каждый из этих боев — суть вещи разные. Одинакового в них, повторяющегося по состоянию и поведению людей, вы в них не найдете. У каждого из этих боев своя жизнь, свои жертвы, свои победы, и разная цена их в истории человеческой.

Юрий Бондарев в своих произведениях показал советских людей в их лучших проявлениях, описав борьбу с врагом с таким пронзительным чувством, мастерством, что миллионы людей, вышедших из этой войны, воспринимают жизнь Новикова или Ермакова, Гуляева или Кузнецова, Уханова или Чибисова, Зои или Лены как жизнь собственную, ими прожитую и выстраданную.

А. ЛАРИОНОВ.